

since $0 \leq \theta$ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Лариса Порхун

ВНЕ ДУШИ

Лариса Порхун

Вне души

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Порхун Л.

Вне души / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Что делает человека человеком? Накопленный багаж знаний и опыта? Умение чувствовать, ощущать? Воспринимать окружающий мир через призму эмоций? А может, душа? Единственное нематериальное явление, которое отличает нас от остальных живых организмов на планете Земля. А что если человек, в недалёком будущем оказываясь в космосе, совершенно в другом мире, утрачивает свою душу, эту бессмертную субстанцию, в которой выражена его божественная природа, его сущность, его личность...

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Лариса Порхун

Вне души

1

После того, как капитан дал разрешение на высадку, Ник почему-то заволновался. Данное обстоятельство немного его удивило. Ведь это была уже их третья экспедиция на Титан, после того, как концептуальный проект межзвёздного корабля «Икар – 2050 Z», во второй половине двухтысячных годов двадцать первого века, завершился успешным и оглушительным прорывом в космической сфере.

– Итак, парни, напоминаю, что на всё про всё у нас 24 минуты, – сказал, внимательно глядя на Эда с Ником, Алан, – и это – предельный максимум на данном этапе, а успеть нужно многое.

В самый первый раз на Титан высаживалась только небольшое количество техников и бортинженеров. Второй раз туда отправились и учёные, в группу которых были включены и они с Эдом. Время нахождения в тот раз составило одиннадцать минут, но этого Нику хватило, чтобы не только взять пробы грунта и установить приборы возле подповерхностного озера, но и испытать настоящий шок от увиденного. А ведь ему казалось, что пусть пока и чисто теоретически, но он, Николас Дорин – учёный с мировым именем, космобиолог, отлично изучил Титан. Он видел фото и видеоматериалы, читал подробные отчёты непосредственно на нём побывавших специалистов. Ему было известно о массе спутника, температуре, метановых дождях и биохимическом составе льда. Он мог с закрытыми глазами рассказать о геологической активности за последних три месяца оранжевого спутника Сатурна и о внеземных формах жизни, существующих в углеводородном море Кракена. Ведь так же, как его коллега и друг – астрофизик Эдвард Меллер, Ник уже несколько лет сотрудничал с ММО – Международным межпланетным обществом. И на этом основании их регулярно включали в состав космических экспедиций, особенно тех, которые предпринимались с научно-исследовательской целью. А такие полёты последнее время становились вполне обычным явлением, так как число жизнеспособных проектов по колонизации ближнего космоса увеличивалось с каждым годом.

И, тем не менее, когда он своими глазами увидел пронзительно-оранжевое небо Титана, он испытал чувство, которое он ни объяснить, ни забыть не смог бы уже никогда. Ему даже не с чем было это сравнить. Потому что более сильного потрясения, он не ощущал до сих пор ни разу в своей жизни. И он сильно сомневался, что в будущем может повториться нечто подобное. Хотя бы только по той причине, что его психика вряд ли выдержала ещё один ментальный взрыв подобной силы.

Но теперь-то Ник готов. Ведь он уже знает, что именно его ждёт там. Так откуда же взялось это волнение? Он вдруг осознал, что весь этап подготовительной работы перед полетом, не переставая, думал только о том, как снова увидит странный и завораживающий оранжевый ландшафт.

В этот раз небо Титана было тускло-жёлтым и выпуклым, словно натянутый до предела тёмно-лимонный парус. Портативный, в виде небольшого рюкзака за спиной, гравитационный аппарат, позволил ступить на ледяной, пористый грунт. Лишь только его ноги коснулись поверхности, Ник снова почувствовал захлестнувший его небывалый по своей силе эмоциональный всплеск. Алан что-то сказал, обращая его внимание на уже включившуюся в работу группу экзобиологов из НАСА. Ник кивнул головой и подошёл к бортовой лаборатории, которую только что спустили при помощи грузовой робототехники. На самом деле он даже не старался вникнуть в то, что говорил капитан. Он ничего не слышал. Вообще. Просто не был в

состоянии. Он оставил у переносной лаборатории для обычной в таких случаях работы двух своих помощников, а сам подошёл к перламутровой глади плотного, словно масляного моря. Он смотрел и не мог отвести глаз. По его поверхности, время от времени, пробежали незначительные волны, и тогда его мерцание многократно усиливалось, из-за чего возрастало и гипнотическое воздействие этой фантастической картины. В той, самой крайней точке, из которой невозможно было понять, где кончается одно и начинается другое, небо постепенно начинало полыхать оранжевым пожаром. И тогда море, словно бы в ответ на посылаемые ему сверху сполохи, подёргивалось тонким слоем сусального золота и расплавленной платины, начиная переливаться, искриться, то приближаясь, то откатываясь, заигрывая и маня, обещая воистину неземное блаженство, познавшему его.

На горизонте оно сливалось с желтоватым, расчерченным кольцами Сатурна небом. Эта картина, которую он никогда и ни за что не взялся бы описывать, завораживала его и не отпускала. Скорее всего, это происходило ещё и потому, что она не оставалась статичной. Она менялась ежеминутно. Даже ежесекундно. Всё здесь жило какой-то своей неведомой жизнью, повинаясь своим законам, за возможность проникнуть в которые, Ник отдал бы всё что угодно. Он был в этом абсолютно уверен, как и в том, что ему для раздумья не потребовалось бы и доли секунды. Титан полностью подчинил его себе. Николас Дорин сдался без боя и нисколько не жалел об этом. Апельсиновая луна Сатурна притягивала его своей противоречивостью, нереальной, переворачивающей все до этого существующие у него представления о мироустройстве, гармонии и красоте. Она приковывала внимание своей парадоксальностью и мощнейшей, колоссальной силой воздействия на все органы чувств одновременно.

Он снова подумал, что не сможет никогда не то что описать эту картину, и хоть примерно дать понять, что он чувствовал здесь, но даже не станет и пытаться это делать. Потому что стоя вот здесь, на этом ни на что не похожем, ледяном, пузырчатом грунте, на берегу этого странного, перламутрового моря, он отчётливо осознал всю призрачность и бесполезность этого. Если даже видя всё своими глазами, у него нет нужных слов, чтобы описать это, то как же он может донести что-нибудь, хоть приблизительно соответствующее той действительности, которую он наблюдает сейчас?!

Ник вдруг поймал себя на мысли, что несмотря на своё состояние, голос учёного-естествоиспытателя в нём, хоть и несколько ослаб, но вовсе не прекратил своего звучания. Так, прикидывая высоту волн, он почти машинально отмечал наличие ветра, определял его направление и силу. Казалось, будто кто-то внутри него автоматически считывает плотность поверхности моря, уровень соотношения в атмосфере метана и азота, то, как давно и надолго ли затих, виднеющийся впереди криовулкан и многое другое. Когда Ник понял, что пытается анализировать данные ещё до эмпирически полученных результатов и делает выводы о том, почему, например, несмотря на волны, практически не ощущается никакого дуновения, он ощутил неожиданную злость на самого себя. В первую очередь, из-за того, что даже сейчас, понимая всю тщетность этого, он использует земные понятия и определения. Горизонт, небо, грунт, берег, ветер, волны, стороны света, все эти земные физические, географические и прочие параметры... На каком основании и кто, собственно, решил, что это так? Может, это от того, что человек по своей наивности, граничащей с идиотизмом, вообразил себя хозяином Вселенной? По аналогии с тем, как ещё совсем недавно, по историческим меркам, так вообще чуть ли не позавчера, решил, что он венец творения и хозяин планеты Земля?! И к чему это привело?! Всего лишь к тому, что на его родной планете совсем скоро будет невозможно жить. А теперь его соплеменники собираются колонизировать Титан, чтобы изгадить всё ещё и здесь.

Ник чувствовал, как волна непонятной, растекающейся злобы, переходящей в ненависть накатывает на него и набатом отдаёт в висках:

– Уже дали названия почти всем географическим объектам, – негодовал он про себя, – хотя, вот это, так называемое, море, – он присел и опустил руку в перчатке, изготовленную,

как и вся прочая одежда астронавтов из аэрогеля, в искрящуюся поверхность, – совсем не море, и уж тем более не вода. Он поднёс руку в перчатке к лицу, разглядывая исходящее от неё будто посеребрённое по краям, фиолетовое свечение, и инстинктивно поправил плотную кислородную маску на себе, из-за которой вдруг стал испытывать странный дискомфорт.

Он услышал неприятный звуковой сигнал, означающий немедленное возвращение на корабль и плавно, точно нехотя, поднялся. Его состояние изменилось. Он больше не испытывал злости. И тем более ненависти. Он чувствовал себя так, будто находился в легчайшем наркотическом опьянении. Это было то великолепное ощущение, которое в реальной жизни настолько легковесно и краткосрочно, что очень часто остаётся, практически, незамеченным. Тот период, когда душевный подъём, кураж и игривый настрой модифицируются в спокойное удовлетворение, холодную уверенность и осознание собственной силы. То самое ощущение, когда не просто знаешь, что способен на многое, если не на всё, а когда даже не задумываешься об этом, потому что это знание в тебе уже есть по умолчанию. И оно не нуждается в каком-то подтверждении или проверке. Потому что оно уже часть тебя, а может даже ты сам и есть это знание, эта мудрость и эта бесконечная гармония.

– Пора возвращаться, – подумал Ник, но не смог пошевелиться. Звуковой сигнал до него стал доноситься всё глуше, всё отдалённее, будто его источник постепенно начал растворяться во времени и пространстве. Ник чувствовал себя так, словно утратил не только возможность, но и способность дышать, одновременно понимая, что ему это и не нужно. У него вдруг исчезла данная потребность. Он ощущал необъяснимую мощь... Силу... И огромное, ни чем не сравнимое удовлетворение. Главным образом от царящего над всем этим, обволакивающее всё его естество умиротворённого спокойствия. Ему пришло в голову, что это состояние, по большей части вызвано тем, что он всегда этого ждал. Он был готов. Он знал...

Где-то на самом краю своего затухающего сознания, Ник успел с сожалением подумать, что с ним сейчас нет любимой жены Марики и их пятилетнего сына. Как было бы хорошо, если бы они могли вместе с ним наблюдать эту торжествующую, отталкивающую, и в то же время неимоверно притягивающую красоту и величие Титана.

Перед тем, как незаметно провалиться в ирреальный и спасительный морок, Ник внутренним зрением вдруг явственно увидел лицо жены и своего маленького сына. И прежде чем наступила темнота, лишь изредка нарушаемая странным, болезненно цепляющим его за душу звуками углеводородной, ледяной поверхности он, резко открыв глаза, вдруг с обнажающей до боли в сердце очевидностью осознал, что на самом деле совсем не хочет видеть рядом с собой на Титане ещё кого-нибудь.

Мысль эта была острая и яркая, как пронзающие титановое небо разновеликие росчерки метеоритов. Никого не должно быть рядом с ним здесь... Никого... Иначе всё будет зря... Всё будет напрасно...

Николаас Дорин очнулся в бортовом лазарете и, несмотря на дикую головную боль, первая мысль, которая болезненным смерчем пронеслась в голове, касалась его сожаления о том, что с каждой миллисекундой он всё дальше отдаляется от Титана. А значит и от своего всеобъемлющего, неповторимого мироощущения спокойствия и удовлетворения. От этого ощущения разочарования и безысходности, Ник негромко простонал. В ту же минуту над ним склонился Филипп, судовой врач:

– Пришёл в себя?! Отлично, старина, – он внимательно посмотрел на экран медицинского монитора, отражающего состояние пациента, и придвинул к кровати, где лежал Ник инфузионную стойку, – а то, признаться, ты нас слегка напугал, – Филипп быстро и ловко устанавливая систему для капельницы, повернулся к нему вполборота и подмигнул:

– Хорошая новость в том, что ты на удивление быстро идёшь на поправку, – он снова посмотрел на экран, – все показатели в норме и видимых нарушений не наблюдается.

– А плохая? – откашлявшись, глухим голосом спросил Ник, не дождавшись, когда доктор, занятый введением иглы в вену закончит свою мысль.

– Молодец, – похвалил его Филипп, – соображаешь, хороший признак... Плохая новость в том, старик, что капитан наш жутко на тебя злится, уж не знаю что у вас там вышло на Титане... Боюсь, малыш Ники, тебя ждёт серьёзная выволочка...

Ник внимательно посмотрел на Филя. Неужели тот серьёзно полагает, что его это хоть в малейшей степени беспокоит? После того, что он видел и что ощутил?

– Дело в том, – добавил медик, присаживаясь к небольшому откидному столику, где тут же высветился электронный журнал назначений, – что тебе, каким-то образом удалось нарушить герметичность своей кислородной маски, – Филипп вздохнул, и склонился над светящимся экраном, заполняя таблицу, – Видимо, когда поправлял, а может чем-то зацепил, – он снова поднял голову, – хотя ума не приложу, как тебе это удалось... Одним словом какое-то время, ты весьма легко и свободно дышал сладко-мускусными ароматами Титана, напрочь лишённого, как известно, кислорода, да ещё и при наружной температуре – 179 градусов. Очевидцы, да и сам капитан говорят о том, что это длилось бесконечно долго, хотя я склонен утверждать всё же, хотя меня там и не было, что не более минуты... В противном случае, мой дорогой, мы с тобой сейчас просто не беседовали бы...

– А я и сейчас настаиваю на том, что это было гораздо дольше минуты, как и на том, что этот засранец сделал это намеренно... – в стационарный отсек лазарета вошёл капитан «Икара» Алан Гору, огромного роста черноволосый с красивой проседью мужчина, с тёмными, сросшимися бровями, массивной челюстью и тяжёлым взглядом глубоко посаженных, с острым прищуром, карих глаз. Ник спокойно встретил его взгляд и даже не удивился своему холодному равнодушию, хотя такая реакция была для него совсем не характерна. Для него, он это почему-то знал, очень многое будет теперь впервые. Но и это открытие не вызвало в нём ни малейшей ответной реакции. Так просто будет. Он по какой-то причине понял это и принял, что называется, к сведению.

– Зачем ты это сделал, Дорин? – прямо и безапелляционно спросил Алан, подойдя к койке Ника, и глядя на него исподлобья.

– Что именно, капитан? – со светлой полуулыбкой открыто встретил его взгляд Ник, искренне не понимая сути вопроса.

Алан с грохотом придвинул стул из прозрачного пластика к кровати, уселся на него верхом и, подавшись вперёд, громко произнёс:

– Не валяй дурака, Ник, ты меня прекрасно понял, – он наклонился вместе со стулом, раскачиваясь на двух его ножках, – какого чёрта ты делал столько времени у Кракена, в то время, когда другие работали? Что ты о себе вообразил, дьявол тебя забери?! Доктор подошёл к ним с обеспокоенным выражением лица:

– Капитан, не лучше ли отложить на некоторое время этот разговор, Николас ещё...

– Что?! – перебил, бросая на него разъярённый взгляд тот, – хочешь сказать, твой пациент ещё слишком слаб? Да плевать мне на это... Как и ему на то, что чуть не сорвал всю операцию, подверг риску не только себя, но и людей, технику... Мы из-за этого... философа – любителя, опоздали на целых шесть минут с погрузкой и отправлением, – гремел уже на весь отсек капитан Гору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.